

Партийная жизнь

В кружке по изучению основ политических знаний

Небольшой, но боевитый, — так говорят слушатели о своем кружке, которым руководит Никита Васильевич Заверюха. На очередном занятии этого кружка продолжается беседа на тему: «Победа социализма в СССР». Слушатели говорят о развитии экономики и культуры нашей страны. Каждый оперирует цифрами, фактами. Мастер Исупов рассказывает о минувшем году. Он называет цифры, характеризующие успехи советского народа. Вот они эти цифры: за год выплавлено 55 миллионов тонн стали, добыто 113 миллионов тонн нефти, выработано 233 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. За год мы построили 800 крупных предприятий. Каждый день — два новых завода, а в иной день даже три! — вот они темы нашего роста. На снимке: занятия в кружке основ политических знаний. Руководит занятиями Н. В. Заверюха. Фото Е. Карпова.

Первейший долг коммунистов

На днях у нас состоялось открытое партийное собрание. На повестке дня стоял вопрос об организации агитационно-массовой работы на избирательном участке. Опыт организации такой работы у нас немалый. Десятки наших агитаторов уже несколько лет подряд работают среди избирателей, но всякий раз, анализируя и оценивая работу агитколлектива, мы находим недостатки. Именно с целью вскрыть недочеты в агитационной работе мы и поставили этот вопрос на обсуждение открытого партийного собрания, куда были приглашены все агитаторы.

Одной из первейших обязанностей каждого коммуниста является воспитание трудящихся. Выступавшие на собрании коммунисты и беспартийные приводили слова из доклада тов. Хрущева на XXI съезде КПСС. Говоря о роли коммунистического воспитания, тов. Хрущев подчеркивает: «Чем выше сознательность миллионов масс, тем успешнее будут выполняться планы коммунистического строительства».

Каждому должно быть ясно, — заявил агитатор Москвин, — что наша работа в массах не самоцель, а средство мобилизации сил коллектива на решение тех задач, которые стоят перед нами. Это значит, что мы должны заниматься агитационно-массовой работой и в цехе, и на избирательном участке — всюду и повседневно.

Выступая на собрании, коммунисты указывали на необходи-

мость организовать глубокое изучение и разъяснение докладов тов. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы».

Мы можем и должны, — сказал мастер т. Козлов, — организовать беседы в квартирах избирателей. Надо, чтобы не только наши рабочие, но и их семьи знали, над чем трудится вся страна.

Партийное собрание обязало каждого коммуниста глубоко изучить материалы внеочередного XXI съезда КПСС и разъяснить трудящимся эти исторические документы.

После собрания заметно оживилась агитационная работа в цехе и на избирательном участке. Такие агитаторы, как тт. Москвин, Богославцев, Костин и другие активно ведут работу на избирательном участке. Они уже не раз побывали на квартирах избирателей. Здесь они рассказывают о работе XXI съезда КПСС, о том, какими успехами ознаменовали эти дни труженики городов и сел нашей страны.

Коллектив нашего цеха успешно справляется с поставленными перед ним задачами, но недоделок у нас еще много. Нередко появляется низкосортное литье. Партийная организация ставит своей главной задачей борьбу за качество. Этому подчинена вся агитационно-массовая работа.

Ф. КОНЬКОВ, секретарь парторганизации чугунолитейного цеха.

Семинар редакторов стеновых газет

Состоялся семинар редакторов стеновых газет цехов нашего комбината.

На первом занятии семинара присутствовало более 20 редакторов стеновых газет. Работник заводского партийного комитета т. Кац рассказал о роли и участии стеновых газет в подготовке к выборам в органы Советской вла-

сти Российской Федерации. С вопросом об организации и планировании работы стеновых газет выступил заведующий отделом редакции газеты «Магнитогорский рабочий» т. Чурилин. Член редколлегии стеновой газеты электроремонтного цеха т. Федосихин поделился опытом оформления стеновых газет.

Еремеч

(Рассказ)

Он маленького роста, но плотный, как туго набитый мешок. Неторопливый.

Когда по утрам я слышу гулкие шаркающие шаги внизу, знаю — это он поднимается по лесам к нам, на третий этаж. Он садится на сложенный кирпич и молчит, дымит трубкой. Лицо его, щедро поросшее сероватой щетиной, так сосредоточенно-неподвижно, что кажется, окружающее не трогает его ничуть. Тогда зачем он ходит сюда?...

А он сосет трубку, обваливаясь дымом, как будто хочет ограждать себя от других.

Однажды, когда я сразмаху положил мастерком раствор на кирпич и ущемил палец, он чуть приметно усмехнулся, дрогнув сухими губами. А потом подошел, не говоря ничего, взял у меня из рук мастерок, наклонился к груди кирпичей. А когда выпрямился, я увидел его глаза. Я до этого не видел их — прятал. Как он мог прятать эти большие, по-ребячьи округленные, радостные глаза?

Он, стремительно наклонившись, брал кирпич, и кирпич, красным пятном блеснув в воздухе, шлепался на ладонь, затем следовал еще один шлепок — это раствор шмякался о кирпич. Он стоял, склонив голову набок, и руки его, короткопалые, темные бегали быстро и ловко. Потом он выпрямился и, протягивая мне мастерок, обронил:

Кому до чего, а кузнецу до наковальни. Извиняй, парень.

И пошел прочь, все так же склонив голову набок — будто на плечо положил ее отдохнуть.

Кто это? — спросил я у Мишки Бубнова, когда он скрылся в нижнем этаже.

— Еремеч, — ответил Мишка, отвернувшись и продолжал, не оборачиваясь. — Работал тут. Ты недавно у нас, не знаешь... Давал две с половиной нормы, а пил безбожно. С бригадиром не поладил. Сам знаешь: Николай Иванович — человек принципиальный...

К вечеру Еремеч снова появился у нас. Работа стояла, потому что кончился раствор, а машины с растворного завода не шли.

Пришел бригадир Николай Иванович, нахмуренный, сердитый и начал ругаться, что ему не доложили о количестве раствора, а теперь вот жди, пока подойдут машины. И ругал начальника участка, начальника растворного завода.

Надо было самому прикинуть с утра, — неожиданно услышал я знакомый хриповатый голос. — Заявку бы дать заранее в случае чего. Вот. А так откуда знать — нужен вам раствор ай нет!.. Теперь, конечно, сидеть будете.

Ну и будем сидеть! — зло отозвался Николай Иванович.

Точно, будете, — спокойно подтвердил Еремеч, обильно дымя трубкой.

Будем! — запальчиво крикнул Николай Иванович. — А посторонние пусть не лезут не в свои дела. Обойдемся без указчиков!..

Так, так, — все тем же спокойным голосом отозвался Еремеч и глубоко затянулся. Когда табачный дым рассеялся, я увидел его побледневшее лицо. По-ребячьи округлые глаза схоронились за прихмуренными мохнатыми бровями и блестя обидчиво и настроенно.

Николай Иванович как-то примолк. Потом глядя себе в ноги и подергивая пуговицу старого солдатского бушлата, сказал:

Знаешь сам, Мирон Еремеч, такое не часто у меня случается. Самого себя облаял бы сейчас, а тут еще ты... Я хочу, чтоб люди к работе по-государственному относились. Просидел минуту без дела, так чтоб эта минута годы целые жгла, укоряла тебя. Завтра вот у начальника строительства разнесу работников растворного...

Он помолчал.

А потом ты и другое знаешь, Мирон Еремеч. С тобой не поладили мы из-за твоего отношения к делу.

Так что же, — негромко перебил его Еремеч, — я сидел руки сложа? По-твоему, до трех норм не я давал?...

А на работу пьяный тоже ты являлся. По нашему времени — это позор! Бросал бы пить, Еремеч, а? Ведь жалко... Ведь...

Жалко? — быстро перебил Еремеч и, склонив голову набок, выставил вперед небритый подбородок. И вдруг с отчаянной веселостью крикнул:

А не выйдет у меня, тля тебя сожри!.. Нет! Я уж отравленный человек. Профессор из Челябинска сам сказал: «Вы, Мирон Еремеч, не излечитесь от алкоголизма, потому что вы имеете отравленный организм».

Раствор в этот день не привезли. Рабочие расходились по домам. Я отряхнул спецовку, собрал инструменты и шагнул было к лестнице, когда заметил Еремеча. Он сидел на кирпичах, зажав в зубах потухшую трубку и уперев кулаки в подбородок. Я негромко окликнул его.

Когда мы вышли из дома, солнце стояло над крышей лесозавода, едва-едва не задевая ее, и, стыдливо румянея, торопилось спрятаться.

Недавно на стройке? — спросил Еремеч. — Что-то не припомню тебя.

Вторая неделя пошла.

Трудно?

Да нет, ничего.

Врешь. Трудно. Поначалу все трудно. Главное — чтоб любовь была к делу. Где, говорят, хотенье, там и уменье. Я вот что скажу тебе: держись бригадира своего. Никола — он правильный человек. За хватку уважаю мужика... А меня терпеть не могу, потому что пил.

У вас организм отравленный?

Да кто его знает? Може отравленный, а може и нет. С профессорами по этому факту речей не вел.

Он помолчал, а потом взял меня за локоть и, больно сжимая его, заговорил тихо и затаенно:

Обиду я имею, слушай-ка.

Видишь дома эти?... А те вон видишь по ту сторону дороги? Я строил. Иду по утрам на работу, а люди здороваются со мной. Иных и в глаза не видел, а здороваются. Вот умру, скажем, я, а дома будут стоять. И всяк, кто в них жить будет, он обязательно помянет добром строителя. Иметь от людей уважение — большое дело. А вот тут не у дела оказался. Да что ж мне на пенсию теперь, чай распивать иль вничуть нянчить? Да нет вничуть пока. И самоваром не обзавелся.

Еремеч шел, не разбирая дороги, то и дело попадал сапогами в колдобины с жидкой

грязью, но не обращал ни на что внимания. Было видно: крепко задел Еремеч слова бригадира.

На следующий день я не видел Еремеча. И на второй, и на третий день не появлялся он. И всю неделю не появлялся. «Почему его нет?» — думал я. — Или обида удерживает его дома, или, может быть, смирился человек, решил — хватит, поработал, пора и честь знать».

В субботу я задержался на стройке дольше других. Ребята уже разошлись. Непривычно тихо было в стенах строящегося дома. Приятной прохладой отдавало от стен. Я смотрел на свежую кладку и мне хотелось угадать, который из этих кирпичей положен мной. Их мало еще сложено в жизни кирпичей, но какая радость может сравниться с той радостью, когда видишь дом, в стенах которого есть кирпич, положенный тобой.

Я спустился вниз и, мягко ступая по стружкам, направился к двери. И вдруг в полусвете комнаты заметил маленькую широкоплечую фигурку. Я поздоровался, узнав Еремеча. Он негромко и хриповато ответил и начал смущенно и неловко поправлять обеими руками воротник куртки. Еремеч был гладко выбрит, и лицо его, обычно угрюмое и словно бы прикрытое от всех какой-то завесой, сейчас было осветлено неожиданным смущением и едва приметной торжественностью.

Домой?

Домой, Мирон Еремеч.

Мы выходим на дорогу.

Весна!.. — вздыхает Еремеч и, приостановившись, задирет голову и глядит, сощурившись, на облачка, мирно скользящие в небе. Потом спрашивает:

Как с планом дела?...

В марте 180 процентов дали.

Знаешь что?... — медленно тянет Еремеч и трет пальцем висок, словно припоминая что-то. — Ты не видел меня неделю, так думаешь я не приходил сюда?... Каждый вечер бывал. Люди уходят по домам, а я прихожу сюда. Стены трогаю ладонями, возьму кирпичик в руки и ношу его... Не могу я так, парень!..

В голсе Еремеча отчаянно билась тоска, и мне хотелось утешить его, сказать какие-то греющие душу слова. Но что я мог сказать ему?...

А вчера я был у Ивана Матвеева. Не знаешь Ивана Матвеева?... Секретарь горкома. Мы с ним годов двадцать знакомы. Рассказал ему все. А он мне: «Хоть, говорит, мы и друзья старые, Мирон Еремеч, а дела твои устраивать не буду. Найди, говорит, в себе силу воли и скажи, что делал плохо, честно скажи!.. Сегодня вот с утра собрался к начальнику участка — не пошел. Гордый я. Век никому не кланялся!..»

Мы входим в поселок. Обрызганные солнечной розовостью изумленно и радостно глядят окна домов. Мне надо сворачивать направо, в переулок.

Постой! — окликает меня Еремеч. — Постой!..

Я подхожу к нему и вижу его озабоченное в жестких складках лицо, собранные мохнатые брови.

Как думаешь, Никола дома сейчас? Что если я пойду к нему и скажу: «Нет, я не могу больше так». А?... Что тогда?...

Будет хорошо, Мирон Еремеч! — говорю я.

Но он не слышит меня.